

М. М. Сафонов

«Полк Его Высочества»

Как Густав Румберг стал Карлом Ивановичем Лаухом

16 февраля 1762 г. указом Петра III был освобожден из-под стражи Карл Иванович Лаух. До того как только что вступивший на престол новый царь подписал этот указ, Лауха содержали в Оренбурге, хотя в «пристойной доме», но «под наикрепчайшим караулом». Ему было запрещено иметь бумагу, перья, чернила. Строжайше предписывалось следить, «дабы он из Оренбурга куда утечки учинить не мог». Содержали «иноземца» на 100 рублей в год¹.

Теперь его произвели в полковники. Разрешили жить, где пожелает. Назначили пожизненное содержание 1000 рублей в год². А главное, этому человеку, спрятанному в Оренбурге, вернули настоящее имя — Густав Румберг. Камердинера наследника российского престола, великого князя Петра Федоровича, пожаловали полковником «за долгую и усердную службу». Но полковничьим чином бывшего драгуна Карла XII наградили не за камердинерскую службу, а за молчание. За 16 лет, проведенных в различных местах лишения свободы. В эти годы он побывал в застенке Тайной канцелярии, был бит батогами, висел на дыбе, выдержал несколько допросов с пристрастием. А всего этого могло бы и не быть. Стоило Румбергу только подписать предложенную ему бумагу и он был бы освобожден и получил бы ежегодную пенсию в 350 рублей. От Румберга требовалось поклясться на Евангелии в том, что он никогда не будет повторять того, в чем его обвиняли, сохранит это в тайне и не станет пробовать вступать в контакт с наследником престола.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. VII. Оп. 1. № 1062. Л. 161 — 160 об.

² Там же. Ф. IX. Оп. 5. № 45. Л. 7.

Бумага была составлена по приказу императрицы Елизаветы Петровны. Документ, названный «реверсом», гласил: «Понеже я нижеподписавшийся не токмо моими в присутствии многих достоверных персон и знаемых свидетелей произведенными безрассудными и безбожными речами и бесстыдными рассуждениями как о всем Российской Империи дворе, генералитете и многих знатных персонах, так и всей российской нации, но и моими же его императорскому высочеству великому князю противу разных при его императорском высочестве находившихся служителей злостными и подозрительными внушениями и произведенными интригами, дабы у его высочества совершенную ненависть к российской нации возбудить, сей мой арест сам на себя навлек и тягчайшего и жестокого наказания виновным и достойным себя учинил.

Ее же императорское величество всероссийская без определяемого о том предварительно справедливого исследования единственно только из природной всевысочайшей милости мне такие мои грубые и безответные преступления и поступки не только всемилостивейше простить, но и меня от всевысочайшего ее императорского величества двора с ежегодною пенсиею, состоящею в 350 рублях отдалить от Санктпетербурга в иное место, куда высочайше заблагорассудит <...> сослать соизволила»³.

Императрица предлагала сделку камердинеру! Условие таковой сделки было одно — содержать всё «в самом вышнем секрете»⁴. Императрице было известно, что камердинер наследника, бывший «майором»⁵ так называемого «полка его высочества»⁶, позволял себе «бить»⁷ великого князя, служившего под его начальством «капитаном».

Но Румберг обвинялся не в рукоприкладстве, и не том, что он командовал «комнатной гвардией» Петра Федоровича⁸. Его обвиняли в более тяжких грехах, расследовать которые не хотели. Эта парадоксальная ситуация объяснялась тем, что дело носило чрезвычайно щекотливый характер. В нем были замешаны высокие персоны, называть которых не желали. Именно этим должно объяснить, почему Румберг предпочел расследование почетной ссылке. Едва ли он мог допустить, что вместо того, чтобы очутиться на свободе, окажется на дыбе. Но имена высоких персон так и не были названы. Молчание майора-камердинера было потом щедро вознаграждено Петром III.

³ Там же. Ф. VII. Оп. 1. № 1062. Л. 63–64.

⁴ Там же. Л. 101 — 102 об.

⁵ Там же. № 1174. Л. 26–32.

⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XII. Т. 23–24. М., 1964. С. 345.

⁷ РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1174. Л. 26–32.

⁸ Сафонов М.М. Комнатная гвардия // Международная научно-практическая конференция «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем». 29–31 марта 2005 г., Санкт-Петербург. М., 2006. С. 359–364.

Густав Румберг и Андрей Чернышев

23 мая 1746 г. командир «комнатной гвардии» Петра Федоровича Густав Румберг был арестован⁹. К сожалению, дело его велось таким образом, что в документах следствия нет материалов, раскрывающих, за что именно бывший драгун Карла XII был взят под стражу. Это объясняется тем, что дело касалось репутации наследника великого князя Петра Федоровича. Елизавета Петровна никоим образом не желала, чтобы следователи знали то, что ей уже было известно. Румберга взяли поздно ночью, отвели в крепость, а потом отправили в московскую контору Тайной канцелярии. Вся операция проводилась крайне поспешно и заняла всего один день¹⁰.

К моменту ареста Елизавета Петровна уже многое знала о Румберге и «комнатной гвардии». Еще в начале мая 1746 г., насколько можно заключить из инструкции А. П. Бестужева, императрице было известно о существовании неформальной военной единицы в покоях его высочества. Нет сомнения и в том, что государыне было известно, кто именно стоял во главе ее. И хотя инструкция А. П. Бестужева не называла Румберга по имени, не следует сомневаться в том, что автор имел в виду именно его, когда писал о лицах, «продерзость возымевших... себя самих командующими офицерами над государем своим, кому они служат, сделать»¹¹. Знала Елизавета и о том, что Румберг не только командовал великим князем, но даже позволял себе бить его. Среди вопросов, которые предполагалось задать «командиру», был и такой: «Как бил его императорское высочество?»¹². Никто из подследственных таких показаний не давал. Очевидно, Елизавете, направлявшей следствие, это было известно из других источников. Из материалов дела явствовало, что императрица через Придворную контору дважды — зимой 1745 г. и зимой–весной 1746 г. — пыталась пресечь военные учения «комнатной гвардии»¹³, но так называемый полк его высочества возрождался вновь и вновь. Поэтому пришлось повторить запрещение в инструкции Бестужева в мае 1746 г. Но и тогда, когда о существовании «комнатной гвардии» уже было известно Елизавете, вопрос об аресте ее «командира» еще не стоял. Румберга «взяли» лишь две недели спустя и одновременно с Андреем Чернышевым, который, как выяснилось в ходе расследования, был

⁹ О. А. Иванов, впервые довольно подробным образом пересказавший материалы этого дела, к сожалению, не понял, насколько они опровергают «Записки», и позволяют понять истинные причины «кадровых перемен» при Малом дворе. Автор не учел специфики показаний подследственных и рассматривал обнаруженный им материал лишь под углом зрения достоверности обвинений Екатерины в связях с камер-лакеем Андреем Чернышевым (*Иванов О. А. Екатерина II и Петр III. История трагического конфликта. М., 2007. С. 356–373*).

¹⁰ РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1062. Л. 62.

¹¹ *Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. XII. Т. 23–24. С. 345.*

¹² РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1062. Л. 131.

¹³ Там же. № 1174. Л. 51.

вторым после Румберга человеком «в полку его высочества». Но если Румберга отправили в крепость, то Чернышева вместе с двумя двоюродными братьями, также бывшими «гвардейцами», определили в полевые полки, подальше от столицы. Андрей же Чернышев, как мы уже выяснили, был уличен в том, что вопреки категорическому запрещению императрицы передавал на половину великого князя какую-то информацию от великой княгини. Об этом государыне донесли М. А. Румянцева и Д. Вергунова. Но М. И. Крузе, докладывавшей по этому делу Елизавете, удалось убедить ее в том, что «не всё то правда, что на них государыне донесено»¹⁴.

Румберг был арестован «за некоторые его продерзости, о которых известно ее императорскому величеству». Императрица желала во что бы то ни стало изолировать его от возможных контактов в Петербурге, не веря, видимо, в возможность их полностью пресечь. Ему разрешили писать по-немецки, не сообщая, где именно он находится и не упоминая о своем аресте. Видимо, Елизавета рассчитывала на то, что контроль над его перепиской позволил бы раскрыть то, о чем он не захочет говорить сам. Впрочем, поначалу императрица, скорее всего, намеревалась, не расследуя всех обстоятельств дела, ограничиться строгой изоляцией Румберга. Но на дальнейшую судьбу командира «комнатной гвардии» повлияло то обстоятельство, что и после удаления Г. Румберга и А. Чернышева великий князь возобновил деятельность созданного им «полка его высочества».

Уже летом 1746 г. наследник стал проводить военные учения, в начале в Петергофе полу-подпольно¹⁵, а потом в Ораниенбауме в отсутствие Елизаветы почти открыто¹⁶. Видимо, вскоре после этого и состоялся «ложный» доклад В. Н. Репнина, который стал роковым для его придворной карьеры¹⁷. Но еще ранее, 22 июля 1746 г. императрица распорядилась доставить тайно в Петербург А. Г. Чернышева. После удаления от Малого двора он был определен поручиком в Ревельский полк, который стоял в Казанской губернии. Однако по дороге к новому месту службы бывшего камер-лакея остановили в Москве, а теперь захотели иметь под рукой в Петербурге.

До 23 октября 1746 г. никаких новых сведений надзирающим за Румбергом получить не удалось. В этот день он был впервые допрошен. Его спрашивали о том, «в каком именно намерении представлял и каким именно образом и чрез что» он у Петра Федоровича «совершенную ненависть к российской нации возбудить намерен был и с кем о том он советовал». То же самое он говорил и «о всем российском императорском дворе и о генералитете и многих знатных персонах и о всей российской нации». Следователи желали знать, с кем именно он вел подобные разговоры и для чего он это делал. Ему предлагалось

¹⁴ Там же. № 1700. Л. 54–59.

¹⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 94.

¹⁶ Чтения общества истории и древностей российских. 1866. Кн. IV. С. 88.

¹⁷ Там же. С. 89.

рассказать «сущую правду без всякого закрытия». Узника пугали тем, что если он даст ложные показания, будет подвергнут пытке. Если же расскажет правду, его не только не будут пытать, но отпустят от двора в отдаленное место или даже в Швецию и назначат пенсию¹⁸. Если учесть, что такие тяжкие обвинения, тянувшие на три первых пункта, караемых смертной казнью, предъявлялись «командиру полка его высочества», становится очевидно, что императрица должна была любой ценой получить от Румберга исчерпывающие сведения. Однако создается впечатление, что Елизавета Петровна настолько не хотела никакой огласки, что приказала предложить Румбергу поставить свою подпись под обязательством не разглашать никаких сведений и готова была в обмен на молчание не проводить дальнейших розысков. Правда, Румберг должен был признать себя виновным¹⁹.

Видимо, Елизавета Петровна непременно желала получить такой документ на руки, чтобы оправдать в глазах Петра Федоровича удаление близкого к нему человека и в то же время дать понять наследнику, что ей известно, какие преступные разговоры велись в его окружении, и пригрозить ему на будущее. Однако, как выясняется из материалов следствия, покаянное «признание» Румберга предназначалось не только для Петра Федоровича. Императрица сообщила А. П. Шувалову, руководившему следствием, что сведения о дерзости Румберга она получила от Петра Федоровича, который сам «донес ей, что Румберг его во Швецию подзывал»²⁰. Но план императрицы не осуществился. Румберг категорически отказался подписывать то, что ему предложили. От него требовали поклясться на Евангелии, что он никогда ни с кем не будет допускать подобные достойные тяжкого наказания «рассуждения», а также не станет делать попыток вступить в контакт с великим князем. И этого Румберг не исполнил.

По сути дела Румбергу предлагали компромисс: мы тебя просто удалим от двора, а ты будешь сидеть тихо и молчать. Но Румберг на такой компромисс не пошел. Подписать бумагу означало бы признать, что великий князь такие разговоры в своем присутствии допускал, т. е. скомпрометировать наследника и его окружение.

Тогда 9 декабря 1746 г. императрица приказала дать Румбергу вопросные пункты²¹. Ответы Румберга не сохранились, но, судя по дальнейшему ходу расследования, он всё отрицал. Получив ответы из Москвы, 26 февраля 1747 г. Елизавета решила, что Румберг ни за что не хочет открыть свои намерения и дать ход дальнейшему расследованию «о злостных и подозрительных внушениях» Петру Федоровичу и «производимых интригами представлений». О том, что всё было именно так, императрица заключила на том основании, что у нее

¹⁸ РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1062. Л. 62–63.

¹⁹ Там же. Л. 63–64.

²⁰ Там же. Л. 79.

²¹ Там же. Л. 101–102.

имелись «достоверные обличители». Елизавете было известно, что «будучи во дворце, идучи мимо гофштапквартирмистра Маркова и некоторого иноземца», Румберг произнес: «Увидите де впредь, что мы лучше вас будем». Слова эти давали основание для подозрений, что Румберг имел в виду некую «перемену», то есть переворот. Императрица желала знать, не говорил ли Румберг еще что-либо в том же духе, с кем и когда. Она приказала, если Румберг не признается относительно внушений, которые он делал Петру, и не расскажет о «производимых им интригах», то подвергнуть его пытке²².

26 февраля 1747 г., после того, как выяснилось, что швед не намерен говорить, императрица приказала, чтобы по делу Румберга допросили А. Г. Чернышева. Елизавету интересовали прежде всего «разные внушения от некоторых людей», которые делались великому князю, разговоры, ведшиеся в его окружении, и вообще какие-либо «непорядки» при Малом дворе. Чернышева призывали не жалеть никого. Его показания содержали чрезвычайно интересный материал относительно «комнатной гвардии» Петра III, обрисовывали ее дела и дни²³.

Бывший камер-лакей отличался большой сообразительностью, недаром же он был конфиденнтом Екатерины. Допрошенный на следующий день, Андрей Чернышев сосредоточил свои показания на непорядках, которые носили скорее курьезный, а не политический характер. Он рассказал о том, как Петр заставлял пажу Василия Неелова наряжаться в капуцинское (то есть бесполое) платье. Такие же платья делались для других лакеев Леонтьева и Гримблера. Петр заставлял Неелова в этом платье «шутить» с завязанными глазами. Тот же номер проделывался и с самим А. Чернышевым. Но помимо курьезов Чернышев все-таки кое-что рассказал и о «комнатной гвардии». Но при этом он пытался представить ее как разновидность такого шутовства, т. е. забавы для великого князя. Ему было очень важно нейтрализовать политические обвинения и свести всё к безобидному шутовству.

Чернышев поведал о том, что, когда из Кадетского корпуса бывшим ординарцем Аигустовым были принесены супервесты, то в них нарядили самого Чернышева, лакеев Леонтьева, Гримблера, камер-пажей Сафонова, Шубина, пажей Дмитрия Алсуфьева, Василия Неелова, Василия Лаврова. Изредка и сам Петр Федорович носил супервест²⁴. Кроме того, были сделаны два колета, один из них предназначался для Чернышева, а другой — для великого князя. Носившие супервесты назывались драбантами, а великий князь с Чернышевым — офицерами. «И ходили на караул посменно». Во время трапез пажи часто спрашивали у великого князя вина. Петр их поил и сам прикладывался к рюмке. Чернышев всячески подчеркивал, что он сам такое времяпрепровождение не одобрял и даже пытался укорять Неелова. Но великий князь, узнав об этом, его одернул.

²² Там же. Л. 113 — 113 об.

²³ РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1174. Л. 2, 4–6.

²⁴ Там же. Л. 10 — 10 об.

Воспитатели Петра Брюммер и Берхгольц знали об этих непорядках, но не пресекали их. По словам Чернышева, всё это выглядело как пустые дурачества. Что же касается серьезных вещей, ради которых его и допрашивали, то ничего о них он не знал.

4 марта 1747 г. Елизавета приказала взять Чернышева из Рыбачьей слободы и перевести в Тайную канцелярию. Та же участь ждала и лакеев, которых он назвал. Всех их предстояло расспросить «накрепко»²⁵. Тогда же императрица распорядилась перевести Румберга из Москвы в Петербург в Тайную канцелярию. Пока его везли, следователи «разрабатывали лиц», названных А. Чернышевым. 5 марта 1747 г. Д. Алсуфьев подтвердил всё, что рассказывал Чернышев о переодеваниях, военных званиях, несении караула. Но он добавил одну важную деталь. «Во время экзерциции всегда его императорское высочество изволил посылать из комнаты своей лакеев и истопников смотреть, чтобы ее императорское величество не соизволила того застать, чего всегда смотрели; и как ее императорское величество изволит к его императорскому высочеству в комнату или куда-нибудь шествовать, тогда о том оные посланные лакеи и истопники его императорскому высочеству доносили, и в то время как его высочество, так и все, которые были наряжены в супервесты, раздевались»²⁶. То есть принимались меры, чтобы сохранить военные занятия в тайне от государыни. Что же касается внушений и рассуждений, то Алсуфьев, так же как и Чернышев, о них ничего не слышал.

В. Лавров тоже подтвердил показания Чернышева о колетах, супервестах, и караулах. Что касается шутовства, то он признался, что иногда играл на флейте. Иван Елагин привел некоторые подробности обмундирования «комнатной гвардии». В 1745 г. великий князь приказал сшить ему «кафтан синего цвету с нашивками золотыми». В этой униформе он обучался «экзерциции». Но ни в какую иную одежду он не облачался. Относительно каких-либо рассуждений Елагин трактовал их так: Петр Федорович иногда говорил, что «учились экзерциции хорошо, а иногда изволил сказать, что учились плохо». Во время кукольных спектаклей иногда носили напитки. Но кто их пил, Елагин не знал²⁷.

6 марта 1747 г. была устроена очная ставка всем допрошенным. Но каждый остался при своих прежних показаниях. В тот же день Чернышев подал А. И. Шувалову записку на имя Елизаветы Петровны. Здесь он сообщил новые подробности о «комнатной гвардии». Чернышев повинился в том, что в 1744 г. в бытность в Москве Румберг по приказанию Петра Федоровича призвал Чернышева с уборную комнату и снял с него «меру <...> роста». При этом Румберг говорил по-немецки. Великий князь назвал Чернышева гренадером. Когда Чернышев дежурил, камер-интендант Крамер вызвал его в уборную и объявил

²⁵ Там же. Л. 14–15.

²⁶ Там же. Л. 17 об.

²⁷ Там же. Л. 20 – 21 об.

повеление великого князя быть при нем «неотлучно», независимо от того, находится он на дежурстве или нет. Потом сам Петр повторил ему свое приказание, и Чернышев исполнял его «с усердием». Через некоторое время великий князь призвал его, пожаловал ружье, и Чернышев «экзерцировал» сколько умел. Петр назвал его капралом. Великий князь приказал Румбергу составить списки всего «обслуживающего персонала» и распределил между ними должности гренадеров, барабанщиков, мушкетеров, сержантов. Из них составили роты. Сам Петр был в гренадерской роте капитаном, в прочих ротах капитанами были Румберг и карла Андрей, офицерами являлись камергер Дивьер, обер-егерь Бастиан и какой-то купец. Скорее всего, им был Шривер, упоминаемый в «Записках» Екатерины в одном контексте с А. Г. Чернышевым²⁸.

Когда Петр Федорович заболел, он забавлялся свинцовыми солдатами и маленькими пушками. Около них Чернышев с Леонтьевым стояли на часах. Этому была свидетельницей Елизавета Петровна, когда посетила больного наследника. Выздоровев, Петр вернулся к своим прежним занятиям. Вскоре Андрей Чернышев узнал от камер-юнкера З. Г. Чернышева, что существование пажеской роты «в противность» ее величеству. Тогда он отобрал всю амуницию. Петр Федорович поведал Чернышеву о том, что Захар Чернышев предлагал обмануть Елизавету Петровну, доложить ей, будто бы лакей Чернышев не сообщил о гневе ее величества, но великий князь был возмущен его предложением ввести в заблуждение государыню. Через некоторое время военные упражнения возобновились, офицерами были камер-интендант Крамер и профессор Штелин. Генералами являлись обер-маршал Брюммер и обер-камергер Берхгольд.

Во время путешествия в Киев летом 1744 г. в Туле Петр Федорович приказал «лакеям купить ружья, на которые сам жаловал им по червонцу». Некоторые из лакеев получили деньги из рук Чернышева. В то же время Петр приказал через Чернышева «сделать карабины». По прибытии Елизаветы в Москву они «привезены были и розданы пажам». Пажи образовали гусарскую роту. Петр стал ее капитаном. Офицерами этого военного соединения являлись Бецкой и Голицын, камер-юнкеры Вильбоа и Чернышев. Камер-паж Мильгунов превратился в сержанта, сам Чернышев был и сержантом и комиссаром, камер-пажи Неронов и Древников являлись капралами.

Чернышев описал, как его произвели в прапорщики. «В то же время его императорское высочество и у ее императорского высочества изволил быть и повелено мне прийти и там его императорское высочество изволил завязать мне глаза и надеть на меня голштинский знак и шарф и назвать меня прапорщиком, а Рунберх майором назван был прежде». Тут более всего интересно присутствие Екатерины при производстве Андрея Чернышева в прапорщики, а также то, что вся эта церемония происходила в покоях великой княгини, которая была вольной или невольной участницей этого действия.

²⁸ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 88, 89.

По словам Чернышева, когда Елизавета уехала в Петербург, великий князь, «забавлялся» с лакеями и камер-лакеями в своих комнатах. Видимо, об этом уже тогда стало известно императрице. Поэтому, когда она возвратилась в Петербург, «через камер-интендента Крамера объявлено было всем комнаты его императорского высочества лакеям» высочайшее повеление, «чтоб никто в уборную комнату его императорского высочества не имел дерзновения входить; нежели кто дерзнет, то ливрея будет снята и от двора прочь». После этого императорское повеление «с трепетом душ... наблюдали».

Следовательно, пресечь экзерциции «комнатной гвардии» впервые Елизавета Петровна пыталась зимой 1745 г. Однако во время пребывания императрицы в Петергофе (лето и осень 1745 г.) Петр Федорович там же «изволил назначить драгунскую роту, в которой... изволил быть вахмистром. В действии были офицером Андрей карла, рядовые — камер-лакей Лазарь, голштинские камер-лакеи Клементей и Витих, камер-лакей Сафонов, кофишенк Елисеич и двои его команды помощника — Шкурин и Татаринов, с кем изволил забавляться».

В это же время Петр Федорович призвал Чернышева в галерею, надел на него драгунскую амуницию и назвал драгуном. Чернышев, помня запрещение императрицы, отговаривался как мог. Но он не смел прогневить великого князя и поэтому стоял на карауле возле маленькой палатки на галерее. На следующий день Чернышев описал ситуацию обер-камергеру Берхгольцу. Тот обещал доложить о ней Брюммеру. Брюммер тогда же отдал двусмысленное распоряжение: чтобы Чернышев «в ту должность собою не вступал», но «нежели его императорское высочество изволит когда повелеть, то нельзя прогневать», т. е. подчиниться. Тогда же Петр Федорович сделал Чернышева «охотником и повелел в той должности быть».

По возвращении в Петербург великий князь призвал Чернышева в аудиенц-камеру Летнего дворца и приказал надеть «гренадерский убор». Чернышев пробовал возражать, ссылаясь на распоряжение Брюмера, но великий князь «изволил прогневаться». Он заявил, что Брюмер не имеет власти лишить его ливреи или жизни, а он, Петр Федорович, может добиться этого у императрицы. Петр Федорович пригрозил Чернышеву, что ему отрубят голову, и «в том гневе изволил заплакать». Чернышеву пришлось подчиниться. Та же история произошла с Леонтьевым. Тут же присутствовал «кофишенк Елисеич». Гнев Петра Федоровича заставил и Леонтьева и других лакеев подчиниться. Великий князь стал их «обучать экзерциции». О слезах наследника А. Чернышев упомянул не случайно. Это было своего рода индульгенцией участникам военных «экзерциций». Разве они могли ослушаться великого князя, видя его слезы?

«В другие дни, когда изволил обучать всех комнаты его императорского высочества камер-лакеев и лакеев, и помощников муншенских и кофишенских, и разделены были поротно. В гренадир роте капитаном его императорское высочество изволил быть, в мушкетерской Андрей карла, офицерами камер-лакеи голштинские Клементей и Витих, Николаев, кофишенк Елисеич, я и Игнатьев;

Аигустов адъютантом был». Во время этих упражнений присутствовал камер-паж Сафонов, а пажи Неелов, Алсуфьев и Лавров предложили себя в участники, потому что ранее служили в Кадетском корпусе и «знают экзерцицию». Великий князь сделал их гренадерами. После посещения Кадетского корпуса великий князь послал Аигустова к князю Л. В. Гессен-Гомбургскому «просить кадетских шапок, ружей и супервестов». Они были ему привезены, «и в оных супервестах были камер-паж Сафонов, пажи Неелов, Алсуфьев и Лавров, лакей Леонтьев, Чернышев, Долгов и Сидоров и названы были драбантами». Петр Федорович был капитаном и обучал «экзерциции рейтарской». Эти же лица стояли на часах. Камер-паж Шубин был взят к ним капралом. Чернышева же Петр Федорович сделал офицером, приказал сделать ему колет, в котором он ходил на караул, и велел «быть безотлучно». Тогда же ко двору были определены двоюродные братья Андрея Чернышева Петр и Алексей. Они были также сделаны драбантами и гренадерами. Это произошло тогда, когда Петр Федорович сочетался браком. Тогда же великий князь приказал сделать «капуцинское платье, в котором паж Неелов часто был и притворные шутки употреблял». Чернышев утверждал, что пытался пресечь непристойное поведение Неелова, но был остановлен самим великим князем. Петр Федорович саркастически заметил, что Чернышев хочет быть его гувернером, в то время как Брюммер вскоре получит отставку. Вскоре после этого великий князь, завязав глаза Чернышеву, надел на него капуцинское платье. Крамер изготовил такое же для братьев Чернышева, и они в нем «бывали».

Всё это, видимо, дошло до сведения Елизаветы, и она решила прекратить «забавы». Через гофмаршала С. К. Нарышкина было объявлено высочайшее повеление, «чтобы никто ни в какие должности не вступал, кроме лакейской и никуда б не ходил, где не подлежит». Это императорское повеление «наблюдали с трепетом». Запрещение вышло осенью или зимой 1745/46 г. В курсе военных поручений А. Чернышева была камер-фрау Екатерины М. И. Крузе. Когда двор находился в Зимнем дворце, Петр Федорович решил послать А. Чернышева к какому-то майору Преображенского полка с повелением изготовить бумажные гранаты. Чернышев жаловался Крамеру и Андрею карле, что не может поступать вопреки императорскому запрещению. В тот момент появилась М. И. Крузе и подтвердила, что нельзя поступать вопреки воле государыни и рекомендовала обратиться к Брюммеру. Тот не советовал делать это. Но на следующий день Крамер послал Чернышева за гранатами и при этом сказал, что императрица разрешила это сделать. Некоторое время спустя А. Чернышев из лакеев «был выпущен» императорским распоряжением²⁹.

Такова была «повинная» Андрея Чернышева. Для нее характерны два момента. Во-первых, Чернышев тщательно скрывает командную роль Румберга и выдвигает на роль командира великого князя. Очевидно, Чернышев хорошо

²⁹ РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1174. Л. 26–32.

понимал, что великий князь по своему положению значительно сильнее защищен, нежели находящейся в лапах Тайной канцелярии Румберг. Во-вторых, выдвигая на авансцену Петра Федоровича, Чернышев пытается обелить себя, потому что Румбергу подчиняться он не был обязан, а вот Петра Федоровича послушаться никак не мог. А. Чернышев представил себя преданным исполнителем воли великого князя и в то же время его жертвой, потому что тот действовал вопреки воле императрицы, а ему ничего не осталось делать как подчиниться. Впрочем, Чернышев всё же проговаривается об особой роли Румберга. Он писал, что Румберг майором назван был прежде, но как и когда — не раскрывает. В то же время майор составляет списки служащих в комнатной гвардии и заботится об их обмундировании. Не выделяет Чернышев и собственной роли в полку его высочества. Но, упомянув, что на него в присутствии Екатерины и в ее покоях был надет голштинский знак и офицерский шарф, А. Чернышев засвидетельствовал тем самым, что его положение в комнатной гвардии было особенным. Это выяснилось, когда эти же предметы были обнаружены на теле Румберга.

11 марта 1747 г. шведа привезли в столицу. При обыске в Тайной канцелярии у него был найден «серебряный вызолоченный знак и под рубашкою шелковый, украшенный золотом шарф»³⁰. То и другое он отказался отдать, заявив, что эти предметы были ему пожалованы великим князем. При этом Румберг заявил: «Я в тех знаке и шарфе готов умереть». Однако и шарф, и знак у него отобрали, его же самого подвергли сечению батогами. В архиве Тайной канцелярии никаких следов этих предметов не сохранилось, и теперь невозможно представить, как именно они выглядели. Важно подчеркнуть, что шарф — неременная принадлежность офицера. Вероятнее всего, серебряный вызолоченный знак тоже был связан с военной символикой и означал некий знак различия.

Румбергу подготовили несколько вариантов вопросов. Не все они были ему заданы. Но из этих вопросов, так и не предъявленных обвиняемому, можно заключить, в чем именно он подозревался. Решили узнать, как Румберг «бил» его высочество. Не следует этому удивляться. Ведь бывший шведский драгун командовал «комнатной гвардией», а Петр учился у него и был его подчиненным. Следователи намеревались выяснить, как именно Румберг рукоприкладствовал. Предполагалось задать вопрос о том, как он «подзывал» Петра в Швецию. Какие рассуждения слушал «о черкасах» и когда надевалось польское платье. Предполагалось спросить, говорил ли он «при камер-лакее Николаеве, что будем и мы скоро велики и более вас?». Говорил ли Петру Федоровичу, «чтоб русских не жаловать и отогнать, а держать иноземцев?». Если не он сам, то кто именно делал такие представления наследнику. Предполагался вопрос о шарфе и знаке³¹.

³⁰ Там же. Л. 74.

³¹ Там же. Л. 134.

Составили целый ряд вопросов, касающихся деятельности «комнатной гвардии». Именно в них всплывает имя А. Г. Чернышева. Из его записки явствовало, что Румберг усердно занимался обустройством и обмундированием «комнатной гвардии». Следователям нужно было знать, для чего великий князь приказал Румбергу призвать Андрея Чернышева в «уборную комнату» и там снять с него «меру» роста. При этом Румберг говорил с Петром по-немецки. Следователи желали знать, о чем именно. Дознаватели интересовались, был ли составлен список служащих в «комнатной гвардии» и для чего. Интересовались они и тем, каким именно чином был назван Румберг во время «забав» Петра с «солдатами». Один из вопросов был сформулирован так: «От его императорского высочества майором ты, Румберг, назван был ли и в каком случае?».

Следователи уже знали, что Петр еще до свадьбы своих камер-лакеев и лакеев «жаловал деньгами». Желали узнать, сколько денег было пожаловано самому Румбергу, и из каких денег великий князь производил эти пожалования. Следствию было известно о том, что в 1745 г. у Петра Федоровича была лотерея. Необходимо было прояснить, сколько было на этой лотерее шпажек, эфесов, серебряных табакерок и что досталось самому Румбергу.

Однако из всех этих вопросов было признано целесообразным задать только те, которые касались Швеции, черкесов, польского платья, предпочтения иностранцев русским. Спрашивали только о самом Румберге, Петра же Федоровича предпочитали не трогать.

Румберг почти всё отрицал. По его словам, он никогда не подзывал Петра в Швецию. Правда, при нем Петр рассуждал, что было бы лучше остаться в Голштинии, чем ехать в Россию. Тогда бы он «имел свою волю». Этот разговор великий князь вел с Крамером. Что же касается иностранцев, то Румберг не только не отдавал им предпочтения перед русскими, но напротив, возмущался тем, что в спальню великого князя имели свободный доступ иностранцы Бредаль, Дикер и Вильбоа, тогда как «российским кавалерам» это было запрещено. По словам Румберга, такое положение дел было чревато тем, что русские могли возыметь к иностранцам «ненависть». Категорически отвергал Румберг и то, что при лакее Николаеве говорил, будто бы «мы лучше вас будем». Решительно возражал он и против всего того, что касалось учений «комнатной гвардии». Он уверял следователей: дескать, сам не хотел служить у Петра Федоровича. Ему приходилось «унимать» своего господина по части военных упражнений, так как он знал, что их «не жалует» Елизавета Петровна. И Петр Федорович более всех гневался именно на него. Ничего Румберг не знал о черкесах, не видел, чтоб в его присутствии великий князь надевал «польское платье». Вообще ему больше всего нравилось украинское. Наконец, относительно шарфа и знака Румберг объяснил, что надел их, потому что Петр Федорович приказал ему их «иметь по смерть его»³².

³² Там же. Л. 77 – 78 об., 129, 130.

Елизавета Петровна, прочитавшая к тому времени записку Андрея Чернышева, осталась ответами Румберга крайне недовольна. Как она сообщила А. И. Шувалову, Петр Федорович сам «донес ей, что Румберг его во Швецию подзывал». Из этого можно было заключить, что и остальные показания также ложны. Было велено допросить Румберга на этот предмет, особенно относительно сообщников. Румберг подтвердил прежние показания и при этом рассказал еще один малозначащий эпизод. Однажды при одевании Петр Федорович говорил ему, что если бы его взяли в Швецию, «больше вольности себе имел». Еще во время пребывания в Голштинии один из камердинеров Петра говорил ему о двух наследствах — шведском и российском — что из них великому князю достанется только одно. Румберг же всегда высказывался в пользу российского³³. Следовательно, ему, конечно, не верили.

13 марта 1747 г. поручик Кексгольмского полка В. М. Неелов, бывший ранее при комнате великого князе, был взят в Тайную канцелярию и допрошен. Он подтвердил всё то, что рассказал Чернышев о «комнатной гвардии», и при этом расширил список тех лиц, которые в ней служили. Неелов отрицал, что «комнатные гвардейцы» требовали вина у великого князя. Наследник по собственной воле потчевал их бургундским и шампанским, сам же выпивал весьма умеренно: рюмки две, не больше. Неелов подтвердил, что Чернышев пытался устыдить их, но чтобы великий князь гневался за это на Чернышева, такого никогда не было. Петр Федорович неоднократно обещал служащим в его «комнатной гвардии» награды в будущем, заверял, что их не оставит. Указывал на положение доверенных лиц Елизаветы А. Г. Разумовского, М. И. Воронцова, А. И. и П. И. Шуваловых, уверял, что тех, кто ему служит, ждет такое же будущее. Когда его солдаты и офицеры возражали, что они своими учениями могут Елизавету Петровну «на гнев привести», наследник уверял их, что через А. Г. Разумовского сумеет у государыни выпросить им прощение.

Неелов сообщил несколько любопытных сведений о развлечениях в комнатах великого князя и в числе свидетелей их и участников назвал и великую княгиню. По словам Неелова, когда Петр Федорович женился, то «по сочетании онаго брака по воле его императорского высочества в капуцинское платье он, Неелов, наряжался, и в том платье он шутил таким образом, что тафельдекаря Каролькевича, который в такое платье наряжен был, он, Неелов, по воле его высочества и ее высочества пели песню “Прости, мой свет, в последний раз”, а после вечернего стола по воле ж его высочества он, Неелов и оный Каролькевич в означенном платье танцевали, а других никаких шуток он, Неелов, не употреблял»³⁴.

Несколько больше Неелов рассказал о настроениях в окружении великого князя. Из слов Неелова явствовало, что Петр Федорович тяготился опекой своего воспитателя Брюммера и надеялся на его отставку после вступления в брак. Наследник жаловался, что его не любят «государыни кавалеры» и он на них

³³ Там же. Л. 79.

³⁴ Там же Л. 44 — 44 об.

«гневен». Петр Федорович признавался, что более жалуется «пруссский артикул», находя его более легким, нежели петровский. Наследник заявил: «Я превеликую ревность имею к нашей армии и желаю, чтоб я был уволен посмотреть нашу армию; хотя она и в состоянии, но токмо я чрез свое старание мог бы еще что ни есть присовокупить и ее поправить и уповаю, что меня государыня в скором времени изволит уволить»³⁵. Более того, Неелову приходилось слышать и такие откровения великого князя: «Я приехал в Россию три года, а государыня меня не изволила уволить посмотреть здешних полков гвардию, також и кадетский корпус, и знатно государыня на меня гневна, только надобно на память ей, как бывало государыня императрица Анна Иоанновна изволила на нее государыню гневаться, каково ей в то время было»³⁶.

Но самое интересное в показаниях Неелова было то, что он сообщил следователям: наследник нуждался в денежных средствах и был вынужден занимать. При этом посредником выступала Екатерина. Петр Федорович постоянно жаловался на безденежье Неелову и Чернышеву: «Не по одно время изволило говорить, что у всех министров денег много, а у меня денег нет; и иногда его высочество изволил у них спрашивать — нет ли у них денег или где б занять, и они на то его высочеству доносили, что у них денег нет и занять нигде не знают»³⁷.

По словам Неелова, Петр Федорович еще до брака сказал А. Чернышеву: «у кого б подумать денег занять тысячу рублей: и Чернышев сказал, что кроме Сергея Григорьевича Строганова занять денег не у кого; и его высочество изволил сказать: это хорошо. Потом его высочество ему, Неелову, изволил говорить: знаешь ли что Чернышев хочет у Строганова занять денег; и он, Неелов, его высочеству сказал: изрядно. И Чернышев говорил его высочеству, чтоб об деньгах сказать и ему, Неелову. И Чернышев на другой день к тому Строганову ходил и те деньги чрез три дня взял и его высочеству принес таким случаем, якобы от ее высочества принесена была некоторая посылка. И после того, а сколько спустя и где именно, он, Неелов, не упомнит, означенный Чернышев, стоя ее высочества с камердинером Тимофеем Евреиновым при нем, Неелове, тому Евреинову говорил: деньги принесены. И он, Неелов, дознавается собою, что тот Чернышев с тем Евреиновым говорил о занятых у помянутого Строганова деньгах тысячи рублями, потому что означенный Чернышев с тем Евреиновым имели между собой дружелюбие такое — когда что тот Чернышев услышит от его высочества, то скажет тому Евреинову, а Евреинов, что услышит от ее высочества, то сказывал помянутому Чернышеву. И на оные деньги его высочеству представлял, что можно поверить и Неелову, что [когда бывают] при комнате вашего высочества забавы... он Чернышев уповает, что он, Неелов, никому ни о чем не скажет»³⁸.

³⁵ Там же. Л. 46 — 47 об.

³⁶ Там же. Л. 48 об.

³⁷ Там же. Л. 46 об.

³⁸ Там же. Л. 47 — 48 об.

Что же касается рассуждений и внушений великому князю, ни сам Неелов, ни его «коллеги» никогда ничего подобного не слышали. Когда 13 марта 1747 г. показания Неелова были представлены Чернышеву, он их в общем подтвердил, но дезавуировал политический контекст негативных высказываний великого князя. Он представил жалобы Петра на безденежье и стремление занять деньги как шутку. Чернышев старался отвести подозрения в том, что великий князь «подкупал» «комнатную гвардию» и одаривал ее посулами на будущее. При этом Чернышев воспроизвел фразу великого князя: «Когда я буду сам большой, тогда я вас не забуду». «Сам большой!» — это не могло понравиться Елизавете.

Чернышев подтвердил рассказ Неелова о займе денег и от себя добавил следующее: «По повелению его высочества отданы были им, Чернышевым, ее высочеству, а потом того ж дни от ее высочества присланы были с камер-лакеем Тимофеем Евреиновым к его высочеству в том же ящике, в котором от Строганова даны были». Более того, он сообщил, что Екатерина с теми деньгами прислала Петру серебряные карманные часы с тем, чтобы он подарил их Чернышеву, что и было сделано. Чернышев, однако, категорически отрицал, что деньги были доставлены тайно и будто бы у него какие-то особенно близкие отношения с Евреиновым: «А после того никогда он, Чернышев, стоя с помянутым Евреиновым при оном Неелове тому Евреинову о том [что] деньги принесены, ни для чего не говаривал, да и говорить ему таких слов не для чего. Ибо оные деньги тем Евреиновым принесены не тайным образом, но в такое время, когда в комнате его высочества были пажи и лакеи и учились экзерциции». То есть это не было тайной для служащих в «комнатной гвардии». Что же касается близких отношений с Евреиновым, то они сводились к тому, что оба и в Москве и в Петербурге жили на одной квартире. Евреинов никогда не говорил Чернышеву о каких-либо словах Екатерины. Чернышев же ничего подобного не сообщал Евреинову о «забавах». Разговоры же шли о том, что Чернышев считал Евреинова счастливым, потому что он служил у Екатерины, тогда как он сам «от забав его высочества» имел «такие страсти»³⁹.

Паж Василий Лавров 14 марта подтвердил, что великий князь ободрял своих гвардейцев будущими милостями, говоря им: «Вы оставлены не будете». Он уверял, что за эти военные упражнения им ничего не будет. Даже если они сейчас окажутся в несчастье, то после будут «счастливыми»⁴⁰. О том же свидетельствовал и Д. Алсуфьев. Как и Лавров, он подчеркивал, что они боялись прогневить императрицу, но великий князь принуждал их к экзерциции. При этом наследник часто говорил: «Вы не опасайтесь, когда я буду сам большой, тогда вас не забуду»⁴¹.

³⁹ Там же. Л. 51 — 52 об.

⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴¹ Там же. Л. 56.

14 марта Чернышев дополнил свои показания. Согласно им, паж В. Неелов пользовался особым доверием Петра Федоровича. Наследник желал, чтобы Чернышев был с ним заодно⁴². 16 марта Неелов сообщил еще и следующее. В 1745 г. А. Чернышев и «камер-паж Алексей Мильгунов имели разговоры с ее высочеством в комнате перед аудиенц-камерой по получасу и более». Однажды Неелов услышал, как Чернышев доносил Екатерине при Мельгунове, что Петр «изволит всегда безвременно веселиться» и с «гневом» принуждает их к тому, а это вызывает сильное недовольство императрицы. Екатерина ответила, что много раз говорила мужу, чтобы он от этих забав «отстал», но только он ее не слушает. В другой раз он видел, как Екатерина говорит с Чернышевым и Мельгуновым, но не слышал, о чем именно они говорили, так как «пошел в другую комнату».

Очевидно, для Неелова не признать того факта, что Екатерина имела контакты с лицами, заправлявшими делами «комнатной гвардии», было невозможно. Но он постарался всячески выгородить великую княгиню. Она-де вступала в контакты с доверенными лицами Петра, т. е. нарушала запрет Елизаветы, но лишь для того, чтобы прекратить «забавы» мужа. Но вставал неизбежный вопрос: если она осуждала занятия мужа, зачем помогала доставать деньги на них? Но такой вопрос ему не задали. Неелов рассказал также о том, что у Петра Федоровича устраивалась лотерея для «гвардейцев», каждому жаловалось по пять билетов, и Екатерина выиграла два шпажных эфеса.

16 марта Чернышев был вынужден признать, что дважды разговаривал с Екатериной в комнате перед аудиенц-камерой. Содержание первого разговора было именно таково, каким его обрисовал Неелов. Екатерина желала пресечь баловство мужа, но он не внял. М. И. Крузе была в курсе этих дел. Она советовала Чернышеву не принимать участия в военных упражнениях Петра Федоровича, но поскольку он принуждал их, Крузе рекомендовала ему прикинуться больным. Второй разговор состоял в следующем. Чернышев рассказывал Мельгунову о советах Крузе. В это время мимо проходила Екатерина, она спросила, о чем они говорят. Чернышев ввел ее в курс дела. На это великая княгиня рекомендовала Чернышеву опасаться последствий и пообещала ему, что сама будет его страшить.

Чернышев подробно рассказал о том, как он, чтобы избежать неприятностей, сказался больным и не посещал дворец несколько дней. Но Петр Федорович прислал за ним конюха и вызвал к себе. Там великий князь снова пытался принуждать его «к забавам своим», обвинял в симуляции, но Чернышев не поддавался давлению и «пошел на квартиру свою»⁴³.

Чернышев боялся не зря. «И после того вскоре призваны были в комнаты их императорских высочеств все камор-лакеи, в том числе и он, Чернышев,

⁴² Там же. Л. 43.

⁴³ Там же. Л. 56 – 57 об.

в придворную контору и гофмаршал Семен Кириллович Нарышкин всем объявил именной ее императорского величества указ, чтоб все камор-лакеи и лакеи не в принадлежащие им комнатные места не входили и кроме своих должностей ни во что не вступали и кроме же команды своей никому послушны не были, только б знали одну должность свою. И с того времени он, Чернышев, кроме должности своей ни во что не вступал и к его высочеству не входил»⁴⁴.

Чернышев категорически отвергал утверждение о том, что в окружении Петра одевались в польское и черкесское платье. По его словам, «такого платья в бауле никогда не имелось». Петр об этом прекрасно знал. В бауле же «были два колета, и знаки, и шарфы, и шапка гренадерская»⁴⁵. Польская же и черкесская одежда у камер-интенданта Крамера была на случай маскарада. Чернышев свидетельствовал, что сабли, которыми рубили бумажные головы, великий князь привез из Киева.

Показания А. Чернышева и В. Неелова серьезнейшим образом дискредитировали Екатерину. Она помогала доставать деньги для «комнатной гвардии» мужа и несколько раз вопиющим образом нарушала запрет Елизаветы использовать слуг как своих агентов для передачи сведений. Очевидно, и Неелов, и сам Чернышев не могли не понимать этого и поэтому довольно неуклюжим способом пытались обелить ее. Она хотя и нарушала императорской запрет, но делала это в интересах общей пользы, то есть действовала с императрицей заодно, стремясь пресечь военные «забавы» мужа. Так, 26 марта Неелов в присутствии А. И. Шувалова рассказал о том, что на вопрос его, не гневается ли великий князь, Петр Федорович ответил, что гневается на «Марию Андреевну (очевидно, Румянцеву. — М.С.) за то, что она обидела ее высочество»⁴⁶. Как помним, именно Румянцеву обвиняли братья Чернышевы, удаленные за контакты с Екатериной, в том, что она вместе с Вергуновой донесла на них государыне.

27 марта Чернышева и Неелова расспросили в застенке «накрепко». Более всего следователей интересовал вопрос о внушениях, кем-то делаемых великому князю. Но Чернышев ничего существенного на этот счет не открыл. Неелов припомнил, что до женитьбы в 1745 г. великий князь говорил с Чернышевым о верфи и судах. Петр Федорович заявил: «Когда я буду государь, тогда в той партикулярной верфи наделаю всяких судов и притом будет множество матросов и других людей, которые к тем судам принадлежат»⁴⁷. Но никаких иных рассуждений и внушений не слышал. Очная ставка Чернышева и Неелова ничего не дала, каждый остался при прежних показаниях. Тогда же Неелова, Алсуфьева и Лаврова спросили, почему они, зная указ Елизаветы о том, чтобы при великом князе «противных поступков не чинить», тем не менее это делали. Все обвиняемые сослались на принуждение великого князя.

⁴⁴ Там же. Л. 57.

⁴⁵ Там же. Л. 57 — 57 об.

⁴⁶ Там же. Л. 65.

⁴⁷ Там же. Л. 69.

28 марта Румберга подняли на дыбе. Но и после этого он всё продолжал отрицать, утверждая: все разговоры о Швеции ограничивались тем, что Петр в его присутствии и при других камердинерах говорил: там у него было бы больше воли. Пять дней спустя Румберг дополнил свои показания следующим. В Голштинии он видел сон, что Петр Федорович будет «над неким государством государем». Он рассказал об этом Петру, а в России напомнил об этом наследнику. Кроме же них и голштинского министра Тревальда, никто об этом разговоре не знал. Это всё, что удалось узнать у Румберга даже под пыткой. Больше он не сказал ничего⁴⁸.

Но императрица хотела знать больше. Особенно ее интересовали контакты, которые Екатерина вопреки запрету осуществляла через своих доверенных слуг. Поэтому 28 марта 1747 г. она потребовала допросить кофешенка Ивана Елагина по специально составленной записке. Елизавета приказала расспросить А. Чернышева, «какое он знакомство и чрезвычайное дружелюбие имел, от того камердинера какие и о чем и куда именно письма он перенашивал, и от того камердинера какие ж именно он выведывания чинил и с оным камердинером разговоры имел; тако же и онаго камердинера Евреинова, взяв в Тайную канцелярию, о том же расспросить, и что они покажут о том доложить ее императорскому величеству»⁴⁹.

Допрошенный А. Евреинов рассказал о своем шапочном знакомстве с Андреем Чернышевым: несколько раз пил водку и играл в карты. Никакого «чрезвычайного дружелюбия» с ним не имел. Никаких писем не носил, ничего не выведывал, разговоры вел «партикулярные». То же самое показывал и Андрей Чернышев. То же подтвердила и очная ставка этих лиц⁵⁰. 1 апреля Нелов, по собственному почину потребовав еще одного допроса, отрекся от своих прежних показаний относительно высказываний великого князя, сославшись на то, что показал это «второпях» или «выдумав собою к склонению слов»⁵¹.

На этом следствие закончилось⁵². Румберга было решено строго изолировать. Вначале Елизавета хотела послать Румберга на Камчатку, но потом передумала. Где его содержали, осталось неизвестным. Но в 1754 г. он был уже в Оренбурге под строжайшим присмотром. Там же его застало воцарение Петра III, которое означало для него освобождение⁵³.

8 июля 1747 г. Елизавета приказала пажей Дмитрия Алсуфьева, Василия Неелова, Василия Лаврова определить в армейские полки. 17 июля Чернышев,

⁴⁸ РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1062. Л. 80–81; см. подробно: *Иванов О. А.* Екатерина II и Петр III. С. 356–373.

⁴⁹ РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1174. Л. 73.

⁵⁰ Там же. Л. 80.

⁵¹ Там же. Л. 87 – 87 об.

⁵² См. подробно: *Иванов О. И.* Екатерина II и Петр III. С. 356–407.

⁵³ Там же. С. 371–373.

Елагин, Неелов были переведены на квартиры. Алексей Евреинов — в дом А. Г. Разумовского. Их оставили поблизости. Они могли понадобиться для дальнейших расследований. И лишь 6 марта 1749 г. Андрея Чернышева отправили в Оренбург в Ревельский драгунский полк поручиком без права появляться в Москве и Петербурге, когда там будет находиться императрица⁵⁴. Были разосланы и другие фигуранты дела. По воцарении Петра III 9 февраля 1762 г. поручика А. Г. Чернышева произвели в генерал-адъютанты⁵⁵.

Так закончила свое существование «комнатная гвардия». Оценивая это явление, надо принять во внимание следующее. Несомненно, у Петра Федоровича была прирожденная склонность к военной службе. Но гораздо важнее то, что эта страсть поощрялась Екатериной. То, что делалось в покоях великого князя, никоим образом не было «игрой в солдатики», над которой так саркастически потешалась Екатерина в своих «Записках»⁵⁶. Самое сильное опровержение этого тезиса заключается в тексте самих мемуаров императрицы. Если встать на точку зрения мемуаристки, то, очевидно, ей следовало бы только рассказать правду. Петр играл в солдатиков вопреки строжайшим запрещениям Елизаветы. Эта игра и стала главной причиной, вследствие которой на Малый двор обрушились репрессии весной 1746 и 1747 гг. Сама же великая княгиня, к этим играм абсолютно непричастная, стала жертвой детского (в первой редакции) или даже инфантильного (во второй редакции) поведения мужа. Казалось бы, нет ничего более естественного, чем просто рассказать, как всё было в действительности. Но мемуаристка поступила по-другому. Он тщательнейшим образом старалась скрыть собственную роль в этих событиях. Для этого ей пришлось выдумать от начала до конца «амурную историю» и представить себя невинной жертвой неоправданных подозрений императрицы. Причем эта love story в первой и второй редакциях расска-

⁵⁴ Там же. С. 399–401. О. А. Иванов, свято веривший в искренность мемуаров императрицы, носивших чуть не исповедальный характер, нимало не был смущен тем обстоятельством, что не обнаружил в них доказательств любви Екатерины к лакею Андрею Чернышеву. «А. Г. Чернышева решили впутать в иное дело и наказать за него, имею в виду совсем другое дело, о котором так подробно написала Екатерина» (*Иванов О. А. Екатерина II и Петр III. С. 403*). К такому заключению пришел исследователь, обстоятельнейшим образом изучивший эти материалы Тайной канцелярии. Более чем странный вывод. Впрочем, иначе быть и не могло. Если веришь воспоминаниям императрицы, то вынужден признать: лгут материалы учреждения политического сыска, как впрочем и все другие документы, которые опровергают всё, что рассказала Екатерина II. К. А. Писаренко, обнаруживший эти материалы первым, не был так доверчив. Он справедливо полагал, что мемуаристка «вымыслила мифическую симпатию к А. Чернышеву, обнаружение которой и породило вспышку гнева императрицы» (*Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 179*). Однако верно объяснить причины, заставившие Екатерину прибегнуть к этому вымыслу, исследователю так и не удалось.

⁵⁵ Русский архив. 1863. Стб. 403.

⁵⁶ К сожалению, этого важного обстоятельства не понял О. А. Иванов. Следуя подсказкам Екатерины, он считал военные эскерциции Петра Федоровича «игрой в солдатики» (*Иванов О. А. Екатерина II и Петр III. С. 402*).

зана по-разному, что уже само по себе подрывает доверие к ней. Особенно важно отметить: во второй редакции выдуманная любовная интрига расписана подробнее и ярче, а между тем в тексте ее чуть ли не на каждой странице мемуаристка проводит мысль о том, что именно инфантильное поведение мужа полуробенка навлекало на нее неза заслуженные наказания, унижение и несчастья. Однако в описании кризиса отношений Малого и Большого дворов весной 1746 г. этот лейтмотив полностью отсутствует. Трудно найти более убедительное доказательство того, что сама Екатерина в действительности была виновницей того, что произошло, хотя и пыталась потом это тщательно скрыть.

В самом деле, расследование дела Г. Румберга и А. Чернышева не могло не озадачить императрицу. Выяснилось, что наследник тяготится своим положением. Он недоволен тем, что Елизавета сколько возможно отделяла его от вооруженных сил. Его не допускали к гвардии. И даже появиться в Кадетском корпусе было для него настоящей проблемой. Создание полка его высочества было некой компенсацией за ту изоляцию от вооруженных сил, в которой по вполне понятным причинам его держала императрица, ревниво охранявшая свою власть. Несомненно, «экзерцируя», Петр давал выход своей неудовлетворенной страсти. Однако было бы совершенно неверно ограничиться этим объяснением. Петр не мог не понимать, что при той неустойчивости положения наследника ему может понадобиться защита. Кроме того, великий князь сознавал, что для отстаивания своих прав на престол, возможно, будет необходимость в применении военной силы. И он готовился к этому. Расследование показало, что наследник уже думает о том времени, когда сможет надеть корону. Фразы типа «когда я буду сам большой» или даже «когда я буду государь» нередко звучали в его окружении. Как ни старались допрашиваемые свести к минимуму политические разговоры при Малом дворе, им это не удалось. Было очевидно, что наследник тяготится своим стесненным положением, мечтает поскорее выйти из него и уже обдумывает то, что будет делать, когда будет «сам большой». То, что он задумывает расправиться с фаворитами Елизаветы, не могло не пугать императрицу и ее окружение. Существовала потенциальная опасность, что наследник может потерять терпение и захотеть приблизить этот час. Создание военной единицы, ее экипировка, вооружение требовали денег. Великий князь не ограничивался посулами блестящей будущности своим офицерам, но и жаловал их деньгами, угощал дорогими напитками, поощрял подарками, разыгрываемыми в лотерею. Жалобы на принуждение, прозвучавшие во время расследования, в немалой степени были средствами самозащиты для служивших в «комнатной гвардии». Напротив, в действительности им льстило положение будущих фаворитов царя, потеря которого заставляла их сокрушаться⁵⁷. Но, пожалуй, более всего императрицу

⁵⁷ Собственно, второе дело братьев А. М. и П. М. Чернышевых, затеянное на месте их службы в Кизляре в 1754 г., было вызвано тем, что братья хвастались перед сослуживцами тем положением, которое они имели, служа при Петре Федоровиче. Примечательно, что в похвальбах, подслушанных служившими с ними офицерами, нет и тени сожалений

должно было озадачивать то обстоятельство, что наследник почитал «прусский артикул» и собирался преобразовать русскую армию на прусский манер. Да и сама «комнатная гвардия» носила черты иноземного войска. Знаки отличия были голштинские, обмундирование, скорее всего, прусского образца (невыясненным остался вопрос о польском и черкесском платьях), во главе стоял бывший драгун Карла XII. Как выяснилось, Л. В. Гессен-Гомбургский присылал для комнатной гвардии кадетские шапки, ружья и супервесты. Деньги же на вооружение и обмундирование помогала доставать великая княгиня Екатерина⁵⁸. У противников великой княгини возникал естественный вопрос, почему София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская помогала финансировать военные затеи Петра Карла Ульриха при российском дворе? Если же учесть обвинения Румберга — что он внушал наследнику мысль, «чтоб от двора российской нации людей отрешить, а определить чужестранных», у его высочества «совершенную ненависть к российской нации возбудить намерен был», вел с ним преступные разговоры обо «всем Российской Империи дворе и о генералитете и о многих знатных персоне и о всей российской нации» — то нетрудно представить, в каком направлении работала мысль Елизаветы Петровны. С одной стороны почти иноземный полк его высочества, с другой стороны антироссийская направленность высказываний командира этого полка. Следствие более всего интересовалось, кем и какие интриги и внушения делались великому князю. На самый важный вопрос следствие ответа не получило. Но нет никакого сомнения в том, что среди подозреваемых была и Екатерина Алексеевна, достаточно скомпрометированная проведенными расследованиями.

о тяжести службы, ни малейшего намека на принуждение, которому, согласно расследованию дела Румберга–Чернышева они как будто подвергались. Чернышевы обвинялись в следующем. Они будто бы хвастались тем, что были «у его высочества при дворе в великой милости и его высочество изволили их, Чернышевых называть фаворитами и приятелями». Чернышевы заявляли, что «хотя они... ныне малы, а которые ныне велики, тем будут головы отрублены, а они, Чернышевы, будут знатны и велики» (РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1700. Л. 4). В этих допросах прозвучало также сожаление о том, что фактическое положение великого князя не соответствует его статусу наследника. «Его высочеству вот уже двадцать четвертый год; а ему никакой власти нет, чтоб кого жаловать и не только какую власть иметь, но и ни до какого присутственного места не слышно, чтоб был допущен; он только носит наследственный титул. А ежели б он имел власть, то брат его Андрей Чернышев уже ныне велик человек был, да и мы оставлены не были в таком едикуле (тюрьме.— М. С.) не жили» — заявлял Петр Чернышев в Кизляре (РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1700. Л. 54; см. подробно: *Иванов О.А.* Екатерина II и Петр III. С. 408–438). Нет сомнения, что в этих рассуждениях слышится отголосок того, что говорилось в окружении великого князя еще до удаления Чернышевых в 1746 г.

⁵⁸ Обращает на себя внимание тот факт, что во время путешествия в Киев в 1744 г. в Туле были закуплены ружья на деньги страдавшего от безденежья великого князя. По возвращении из Киева Елизавета Петровна устроила разнос Екатерине за то, что у нее было слишком много долгов. Не исключено, что между этими двумя событиями существовала прямая связь. Ведь впервые пресечь существование «комнатной гвардии» Елизавета попыталась сразу же после возвращения в Петербург.

References

Zapiski imperatricy Ekateriny Vtoroj. M., 1989.

Ivanov O.A. Ekaterina II i Petr III. Istoriya tragicheskogo konflikta. M., 2007.

Russkij' arhiv. 1863.

Safonov M.M. Komnatnaya gvardia // Mejdynarodnaya nauchno-prakticheskaya konferencia "Voennoe delo Rossii i ee sosedej v proshlom, nastoyaschem i buduschem. 29–31 marta 2006", Saint Petersburg. M., 2006. S. 359–364.

Soloviev S.M. Istoriya Rossii s drevnejchih vremen. M., 1964. Kn. XII. T. 23–24.

Chtenia obschestva istorii i drevnostj' rossijskih. 1866. Kn. IV.